

Сокращенное дознание: эффект редукции

С.Б. Россинский*

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

**E-mail: igpran@igpran.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению известных, но так и не разрешенных проблем, присущих дознанию в сокращенном порядке как одной из современных форм предварительного расследования уголовного дела. Говорится о нескольких факторах, обуславливающих противоречивость правил проведения сокращенного дознания и его слабую востребованность в правоприменительной практике полиции и других правоохранительных органов: 1) о его нахождении в диссонансе с глубоко укоренившимися представлениями о механизмах досудебного производства по уголовному делу; 2) его обремененностью целым рядом дополнительных, не свойственных ординарному дознанию условий; 3) о низком качестве соответствующих положений закона. Одновременно указывается на производительность таких факторов, на их предопределенность общей первопричиной большинства присущих сокращенному дознанию недостатков – редукционной природой данной формы предварительного расследования, сведением ее сущности исключительно к набору изъятий из общего порядка дознания, то есть к неприемлемому для правотворчества упрощению ранее усложненного механизма решения стоящих перед органами дознания задач. В этой связи делается вывод об изначальной неудачности соответствующих правотворческих замыслов. Указывается, что реальные перспективы упрощения дознавательской практики могут усматриваться лишь в полной или частичной реставрации ранее существовавшей и достаточно сильно отличающейся от предварительного следствия модели работы органов дознания.

Ключевые слова: дознание, досудебное производство, общий порядок дознания, орган дознания, ординарное дознание, предварительное расследование, сокращенное дознание

Финансирование. Исследование проведено без дополнительного финансирования.

Конфликт интересов. Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Ссылка для цитирования: Россинский С.Б. Сокращенное дознание: эффект редукции. *Государство и право / State and Law.* 2026. № 2. С. 84–92. <https://www.doi.org/10.7868/S2713039826020065>

Abridged Police Investigation: The Reduction Effect

S.B. Rossinskiy*

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

*E-mail: igpran@igpran.ru

Abstract. This article examines the known but unresolved problems inherent in abridged police investigations, a modern form of preliminary criminal investigation. Several factors are discussed that have led to inconsistencies in the rules for conducting abridged police investigations and their limited use in law enforcement practice by the police and other law enforcement agencies. The first factor is the discrepancy between abridged police investigations and the traditional concept of pre-trial proceedings in criminal cases. The second factor is the strengthening of abridged police investigations by a number of additional conditions that are not typical of the general procedure for police investigations. The third factor is the poor quality of the law. It is also noted that these factors are derivative and are rooted in the common and primary cause of the most of the shortcomings inherent in abridged police investigations. This reason lies in the reductive nature of the abridged police investigation, understanding its essence solely as a set of exceptions to the general procedure for police investigation. This approach is inappropriate for creating legal norms. It consists of simplifying a previously complex mechanism for solving the problems the police are facing. Therefore, it is concluded that the authors of the law's intentions were initially unsuccessful. Finally, it is noted that the only real prospect for simplifying police practice is a full or partial return to the previous police work model, which differed significantly from the investigator's work in preliminary investigation.

Keywords: police investigation, pre-trial proceedings, general procedure for police investigation, police department, standard police investigation, preliminary investigation, abridged police investigation

Funding. The work was carried out proactively, and no additional grants were received to conduct or direct this particular study.

Conflict of interest. The author declares no obvious or potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Rossinskiy S.B. Abridged police investigation: The reduction effect. *Gosudarstvo i pravo / State and Law*. 2026;(2):84–92. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.7868/S2713039826020065>

Дознание в сокращенной форме – достаточно новая для российской уголовной юстиции упрощенная (ускоренная) форма предварительного расследования. Она появилась в марте 2013 г. вследствие внесения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ ряда поправок, нашедших отражение в т.н. Двадцать третьем Федеральном законе (далее – Двадцать третий закон)¹. А предпосылки ее возникновения были связаны с очевидной и назревшей потребностью в некоторой редукции, т.е. упрощении досудебного производства по уголовному делу, в целях ускорения уголовного

правосудия, снижения возлагаемой на органы дознания служебной нагрузки, оптимизации выделяемых на их деятельность бюджетных ассигнований и т.п. По крайней мере именно такие доводы и легли в обоснование данной правотворческой инициативы: в официально опубликованной пояснительной записке к проекту Двадцать третьего закона² намерения ввести сокращенную форму дознания прямо обуславливаются стремлениями к прекращению нерационального расходования сил и ресурсов государства на нужды уголовной юстиции, к сокращению сроков досудебного производства по не представляющим сложности уголовным делам о достаточно очевидных преступлениях. Эти же либо близкие по смыслу взгляды

¹ См.: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9, ст. 875.

² См.: Пояснительная записка к законопроекту № 33012-6 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6>

неоднократно выражались в научных публикациях, в особенности в практикоориентированных статьях правоохранительной направленности³.

Вместе с тем на поверку сокращенное дознание явно не оправдало возложенных на него надежд. Оно так и не смогло превратиться в реальную альтернативу ординарному дознанию, т.е. дознанию, проводимому в общем порядке, сделаться хорошим подспорьем в решении стоящих перед досудебным производством по уголовному делу задач, завоевать популярность у сотрудников полиции и других правоохранительных органов, снискать благосклонное отношение со стороны прокуратуры, развеять вполне ожидаемые сомнения адвокатского сообщества, подозреваемых, потерпевших в безопасности упрощения формы предварительного расследования и т.д. Правда, на первых порах количество сокращенных дознаний достигало более или менее существенных величин — доходило до 20% от всех оканчиваемых в форме дознания уголовных дел. Например, только в производстве полиции как основного «потребителя» сокращенных дознаний могло находиться до нескольких десятков тысяч таких материалов в год. Однако подобная «востребованность» преимущественно обуславливалась активным использованием пресловутого административного ресурса. Органам дознания приватно «спускались» достаточно высокие количественные нормативы оканчиваемых в сокращенной форме уголовных дел. Ввиду понятных причин их приходилось выполнять, иногда прибегая к различным ухищрениям и отступлениям от надлежащего толкования закона. В дальнейшем же возникший вследствие принятия Двадцать третьего закона ведомственный ажиотаж понемногу сошел на нет — «спускаемые» ранее нормативы постепенно утратили актуальность, а само сокращенное дознание со временем стало восприниматься как набитая оскомина. В этой связи число таких упрощенных расследований сразу сократилось. Например, в 2023 г. в производстве полиции находилось не многим более 30 тыс. материалов сокращенных дознаний, а в 2024 г. их количество снизилось примерно до 20 тыс.

Иными словами, воплощенные в Двадцать третьем законе замыслы оказались не вполне жизнеспособны, по крайней мере малопригодны для практического использования в работе наделенных дознавательскими полномочиями

³ См., напр.: Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Росс. следователь. 2013. № 21. С. 4; Гаврилов Б.Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Известия Иркутской гос. экономической академии. 2014. № 6. С. 22; Калачева А.В. Уголовно-процессуальная форма деятельности органов дознания // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. 2025. № 3(60). С. 174.

правоохранительных органов, прежде всего полиции. Причем тщетность этого опрометчиво сделанного в 2013 г. правотворческого шага получила чуть ли не официальное признание. Во всяком случае стали разрабатываться и активно обсуждаться новые пути упрощения досудебного производства в целом и оптимизации дознавательской практики, в частности начали предлагаться очередные редуцированные модели дознания. Например, в последние годы подобные усилия предпринимались Центральным аппаратом МВД России. Был разработан буквально поражающий своими масштабами «пакет» поправок к Уголовно-процессуальному кодексу РФ, помимо прочего предполагающий ликвидацию сокращенного дознания с его заменой т.н. особым порядком досудебного производства — новой вариацией упрощения работы правоохранительных органов, позволяющей, по мнению авторов, избавиться «от избыточных, дублирующих друг друга процедур» и добиться иных позитивных результатов⁴. Правда, ввиду множества различных нареканий к данному законопроекту его внесение для рассмотрения Федеральным Собранием РФ явно затягивается — вполне вероятно, что эти правотворческие намерения вообще останутся нереализованными.

В чем же заключаются причины непродуктивности сокращенного дознания, невозможности его эффективного использования в качестве наиболее простого, скоротечного и «рентабельного» способа решения стоящих перед досудебным производством по уголовному делу задач? С чем следует связывать его чрезвычайно слабую и к тому же постоянно уменьшаемую востребованность в правоприменительной практике? Отвечая на подобные вопросы, следует обратить внимание на несколько частично перекликающихся, но тем не менее предполагающих собственный смысл, во всяком случае имеющих индивидуальные оттенки, негативных факторов.

Во-первых, наблюдаемую несостоятельность сокращенного дознания можно объяснить его нахождением в явном диссонансе с глубоко укоренившимися в доктрине и правоприменительной практике, уже успевшими стать традиционными, признаваемыми большинством специалистов в качестве само собой разумеющихся представлениями о механизмах досудебного производства по уголовному делу. Иными словами, легализованные в Двадцать третьем законе инновационные подходы к предварительному расследованию,

⁴ См.: О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacij_i_vistuplenija/item/3079668/

будучи изначально основанными на разрыве существовавшего в течение нескольких десятков лет позднесоветского шаблона, оказались не вполне пригодными к должному восприятию, а точнее — принятию профессиональным сообществом: как практическими работниками, так и многими учеными-процессуалистами. И в этой связи в научных публикациях заявляется о противоречивости и несправедливости сокращенного дознания, о его несоответствии базовым основам российского уголовного процесса, главным образом подходам к доказыванию, и т.п.⁵

Конечно, полностью согласиться с подобными скептическими оценками сокращенного дознания достаточно сложно. Тем более, что некоторые из них предопределены как раз банальным нежеланием или, увы, неспособностью авторов отказаться от привычных стереотипов и пересмотреть существовавшие годами, нередко «впитанные с молоком матери» установки, т.е. ментально признать, подлинно уразуметь давно назревшую потребность в оптимизации предварительного расследования. Однако считать такие взгляды абсолютно лишенными разумности, обусловленными только кондовым консерватизмом, интуитивным сопротивлением каким-либо новшествам и подсознательной боязнью перемен тоже нельзя. В этих позициях усматривается изрядная доля здравого смысла. К тому же некоторые высказанные в связи с принятием Двадцать третьего закона негативные прогнозы стали чуть ли не пророческими. Практические работники действительно оказались явно не готовы к использованию предусмотренного гл. 32¹ УПК РФ альтернативного порядка решения стоящих перед досудебным производством задач, а если говорить на языке психологии, — к отказу от устоявшегося поведенческого паттерна, к выходу из своеобразной зоны комфорта. Ни сами дознаватели, ни их руководители, ни прокуроры, ни суды, ни, разумеется, адвокаты так и не смогли справиться с недоверием к возможности установления имеющих значение для уголовных дел обстоятельств посредством «неполноценных» когнитивных приемов: получения объяснений, доследственного изучения истребованных предметов и документов, проведения специалистами внеэкспертных исследований, осуществления оперативно-розыскных и прочих непроцессуальных мероприятий и т.п. Соответствующие познавательные результаты, не будучи

обремененными предусмотренными Уголовно-процессуальным кодексом РФ гарантиями юридической доброкачественности, так и не заслужили требуемого отношения — даже невзирая на принятую одновременно с введением сокращенного дознания попытку усиления статусности, значимости и формализации способов собирания ряда подобных «средств доказывания» (ч. 1¹, 1² ст. 144), их надежность, пригодность к использованию в качестве заменяющих традиционные доказательства информационных суррогатов и ценность для нужд уголовной юстиции по-прежнему видятся большинству правоприменителей достаточно сомнительными.

В первую очередь прокуроры, не без оснований опасаясь возможных судебных реверсирований уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ, принялись массово отказываться «пропускать» поступающие к ним материалы окончанных дознаний в сокращенной форме, в ходе которых не проводились допросы подозреваемых, потерпевших, свидетелей, очные ставки, проверки показаний на месте, иные процессуальные действия и, конечно, подпадающие под предписания ст. 196 УПК РФ обязательные судебные экспертизы, в том числе связанные с постоянно возрастающими потребностями в психиатрической либо наркологической диагностике привлекаемых к ответственности лиц. Такие вроде бы как «недоделанные» материалы под любыми предлогами стали возвращаться для производства ординарных дознаний. Кроме того, со временем участились случаи заявления обвиняемыми и защитниками ходатайств в порядке ч. 6 ст. 226⁷ УПК РФ — в них выражались несогласия с законностью получения указанных в обвинительных постановлениях сведений, ставились вопросы о восполнении недостаточных объемов собранных доказательств и т.д. В ответ дознаватели, и в особенности более опытные начальники органов и подразделений дознания, начали стараться не допускать подобных недочетов, т.е. превентивно выполнять все требуемые для полноценного расследования процессуальные действия — случилось именно то, о чем еще в 2013 г. писали самые проницательные ученые; их предсказания полностью оправдались⁶. Иными словами, сокращенные дознания фактически перестали быть упрощенными производствами. По сути, они превратились в ординарные дознания, но подлежащие окончанию в установленные ст. 226⁶ УПК РФ достаточно короткие сроки⁷.

⁵ См., напр.: Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8. С. 107; Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Росс. судья. 2013. № 6. С. 43; Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 24.

⁶ См.: Воронов Д.А., Кальницкий В.В., Муравьев К.В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3. С. 84.

⁷ См.: Ярыгина Л.А. Практика реализации норм главы 32.1 УПК РФ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3(38). С. 126.

Во-вторых, нежизнеспособность сокращенного дознания можно объяснить его обремененностью целым рядом предусмотренных ст. 226¹ и 226² УПК РФ дополнительных, не свойственных ординарному дознанию условий. Такое множество правовых запретов и предписаний уже само по себе представляется явным перебором, а их одновременное исполнение — более чем затруднительным. И в этой связи количество подходящих для дознания в сокращенной форме уголовных дел уже гипотетически являлось достаточно умеренным, а соответствующие возможности полиции и других правоохранительных органов — весьма ограниченными. Тогда как в реальности подобные условия вполне ожидаемо оказались еще менее выполнимыми.

Прежде всего лично заинтересованные в исходе уголовных дел субъекты стали активно злоупотреблять предоставленными им процессуальными правами. Например, некоторые подозреваемые, обвиняемые и даже подсудимые, стремясь к затягиванию сроков реализации уголовной ответственности, к осуществлению прочих корыстных замыслов, следуя «мудрым» советам иных лиц либо просто поддаваясь беспричинным капризам и причудам, принялись «отзывать» ранее заявленные ходатайства о сокращенном дознании, отказываться от признания вины, причиненного вреда, возражать против квалификации инкриминируемого преступления, резко «забывать» язык уголовного судопроизводства и т.п. Между тем наиболее активными субъектами злоупотребления предоставленными правами все же оказались потерпевшие. Как правило, они начали соглашаться с проведением сокращенных дознаний, рассчитывая на очевидные меркантильные выгоды, главным образом поддаваясь угворам обвиняемых, их друзей, родственников либо защитников, обещающих загладить причиненный вред. Однако в ходе дальнейших судебных заседаний многие из них, так и не дождавшись гарантированных компенсаций, осознав себя обманутыми либо изменив лояльное отношение к обвиняемому ввиду иных мотивов, стали заявлять об ошибочности прежних позиций и ходатайствовать о пересмотре результатов оконченных с обвинительными постановлениями уголовных дел.

Кроме того, проявились и другие практические препоны, сильно осложнившие выполнение правовых условий сокращенного дознания. Разработанные для этих нужд прикладные технологии мгновенно обросли свойственными российской системе уголовной юстиции бюрократическими ритуалами, привели к очередному увеличению количества «бумаг» и, следовательно, разрастанию материалов досудебных производств. Одновременно дознавателям пришлось тратить дополнительные усилия на работу с потерпевшими и т.п.

И наконец, в-третьих, говоря о причинах практической несостоятельности и слабой востребованности сокращенного дознания, нельзя проигнорировать недопустимо низкое, не выдерживающее никакой критики качество Двадцать третьего закона. Ведь, невзирая ни на какие «благие намерения», несмотря на всю резонантность предопределивших появление сокращенного дознания правотворческих замыслов, положения гл. 32¹ УПК РФ представляются более чем неудачными, не способствующими ни должному уяснению субъектами соответствующих правоотношений, главным образом профессиональными участниками уголовного судопроизводства (дознавателями, начальниками органов и подразделений дознания, прокурорами, судьями, адвокатами и т.д.), адресуемых им нормативных посылов, ни продуктивному использованию предоставленных возможностей. Многие из этих положений в очередной раз свелись к многословным, замысловатым, достаточно путанным, противоречивым, в связи с чем не пригодным к надлежащему толкованию формулировкам, предполагающим, по справедливым оценкам некоторых ученых-процессуалистов, целый ряд правовых лакун и коллизий⁸. А некоторые включенные в гл. 32¹ УПК РФ предписания вообще способны завести в тупик.

Думается, что такие несуразности далеко не в последнюю очередь были связаны с неуверенностью причастных к созданию соответствующего законопроекта лиц в допустимости и целесообразности затеваемых преобразований. По крайней мере в положениях гл. 32¹ УПК РФ отчетливо усматривается какая-то нерешительность «коллективного законодателя», угадываются явные сомнения в надобности столь серьезных упрощений. Создается впечатление, что разработчики Двадцать третьего закона фактически испугались собственных замыслов, вследствие чего проявили изрядную осторожность и побоялись делать резкие движения. Поэтому каждое предложенное послабление режима работы органов дознания было с лихвой компенсировано дополнительными процессуальными гарантиями, в первую очередь перманентными опциями, позволяющими возвратиться «на исходные позиции» в любой момент производства по уголовному делу — вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Не исключено, что предпосылки подобной неуверенности состояли в интуитивном опасении

⁸ См., напр.: Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Росс. юстиция. 2013. № 12. С. 47; Мичурина О.В. Извечные вопросы дознания и попытки дать ответы на них // Росс. следователь. 2022. № 11. С. 9, 10.

выпустить джинна из бутылки, т.е. создать пагубный правотворческий прецедент, способствующий разрушению привычных стереотипов (дескать, оказывается, так было можно!) и усилению тенденций к упрощению иных форм предварительного расследования. Кроме того, эту неуверенность можно объяснить нежеланием нарваться на критические оценки ряда органов власти, государственных деятелей и, разумеется, адвокатского сообщества, а также навлечь на себя ожидаемый гнев влиятельных представителей либеральной общественности — в 2013 г. ее позиции были еще достаточно сильны.

Однако основная причина колебаний создателей законопроекта усматривается несколько в другом — в изначальной неразработанности четкой и, самое главное, целостной концепции сокращенного дознания, в отсутствии ясных представлений о сущности и характере предлагаемых нововведений, об условиях их имплантации в устоявшуюся систему уголовной юстиции и корреляции с ординарными формами и методами деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда. Исходя из имеющихся сведений, можно даже заключить, что реализованные в Двадцать третьем законе правотворческие инициативы вообще не предполагали какого-либо доктринального фундамента, т.е. не были предопределены результатами подлинно научных изысканий, сводящихся к подробному изучению и осмыслению генезиса национальных подходов к работе органов полицейского типа, к обобщению зарубежного опыта, к системному накоплению и должному анализу эмпирических материалов, к неказенному(!) вниканию в перманентно собираемые статистические данные и т.п. Конечно, говорить о полном отсутствии подобных доктринальных позиций все же не приходится — в предшествующие появлению гл. 32¹ УПК РФ годы о необходимости упрощения дознания заявлялось в целом ряде публикаций⁹. Но такие идеи были достаточно фрагментарными, не подразумевавшими ни единства, ни требуемой упорядоченности. Тем более что многие из них, к сожалению, не оказались достойными должного внимания разработчиков Двадцать третьего закона. В противном случае следовало бы ожидать совершенно иных преобразований, например полной или частичной реставрации

⁹ См., напр.: Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 54; Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел. М., 2008. С. 329; Гаврилов Б.Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Росс. следователь. 2011. № 16. С. 12.

некогда существовавшей протокольной формы досудебной подготовки материалов и т.д.

Подводя итоги сказанному, следует задаться закономерными вопросами. Имелась ли принципиальная возможность создания более продуктивной и пригодной к активной эксплуатации вариации сокращенного дознания или какой-нибудь иной упрощенной формы предварительного расследования с аналогичным, во всяком случае схожим, предназначением? Располагал ли «коллективный законодатель» реальными шансами устранения либо нивелирования рассмотренных выше и приведших к низкой востребованности сокращенного дознания негативных факторов?

С одной стороны, ответы на данные вопросы должны представляться достаточно очевидными. Подобные шансы вроде бы действительно существовали и вполне могли быть использованы для сотворения более приемлемой для дознавательской практики нормативной модели упрощенного производства. Прежде всего, ничто не мешало попытаться несколько отступить от современных подходов к разработке вносимых в Уголовно-процессуальный кодекс РФ коррективов — постараться, наконец, отказаться от поспешной и сумбурной реализации перманентно возникающих правотворческих прожектов, предпринять исчерпывающие меры к созданию четкой и целостной научной концепции сокращенной формы работы органов дознания и поручить сравнительно небольшой группе самых авторитетных в этой области ученых-процессуалистов подготовить соответствующий законопроект. Вполне вероятно, что в таком случае удалось бы частично сгладить и другие повлиявшие на низкую востребованность сокращенного дознания негативные факторы: заметно сократить количество необходимых для его проведения правовых условий, избежать замысловатости, путанности содержания гл. 32¹ УПК РФ и прочих взаимосвязанных с ней положений закона, добиться уменьшения свойственных им противоречий.

Вместе с тем, с другой стороны, эти старания не принесли бы никаких осязаемых результатов! Ведь имевшиеся у «коллективного законодателя», но упущенные шансы заключались лишь в возможности частичного преодоления присущих сокращенному дознанию проблем, в первую очередь устранения сильно осложняющих правоприменительную практику нормативных излишеств и несуразностей. Не исключено, что такие усилия могли привести к несколько большей популярности данной формы предварительного расследования, к некоторому увеличению количества соответствующих уголовных дел. Но добиться чего-то более значительного все равно бы не получилось. Никаких

реальных перспектив полного устранения негативных факторов, предопределивших нежизнеспособность, по крайней мере достаточно низкую востребованность сокращенного дознания, просто не существовало. Проще говоря, соответствующие правотворческие намерения уже изначально были обречены на провал!

Ведь указанные негативные факторы никоим образом нельзя признавать первопричинами ущербности и практической непопулярности сокращенного дознания. Гораздо правильнее рассматривать их всего лишь в качестве производных обстоятельств, возникших ввиду глобальных тенденций, свойственных развитию национальной уголовной юстиции в целом и предварительного расследования в частности. Тогда как подлинную первопричину провальности воплощенных в Двадцать третьем законе правотворческих замыслов надлежит связывать с более общим и важным явлением — *с редуционной природой сокращенного дознания*, то есть со сведением его сущности исключительно к набору упрощений ординарного порядка дознания (изъятий из гл. 32 УПК РФ).

На первый взгляд подобное утверждение может быть воспринято как достаточно странное и даже абсурдное. Казалось бы, какой вред правоприменительной практике способно причинить очевидное, само собой разумеющееся, четко синхронизированное с легальным наименованием данной формы предварительного расследования и к тому же прямо предусмотренное уголовно-процессуальным законом положение о редуционности сокращенного дознания — о его преемственности по отношению к общему порядку дознания и одновременной обусловленности некоторыми упрощениями (изъятиями). А между тем именно это положение и является основным детерминантом ущербности и нежизнеспособности сокращенного дознания: именно в ч. 1 ст. 226¹ УПК РФ и «зашифровано» подлинное объяснение его невостребованности для нужд досудебного производства по уголовному делу.

Ведь суть любого упрощения состоит в сведении чего-то исконно сложного к более простому и примитивному. А в части упрощения уголовно-процессуальной формы подобные задачи надлежит решать посредством послабления некоторых процедурных требований, то есть снижения изначально высокой степени обремененности тех или иных правоотношений юридическими гарантиями доброкачественности соответствующих результатов. Однако реализованные в Двадцать третьем законе идеи о редукации ординарного дознания представляются не вполне укладывающимися в такую парадигму.

Так, вытекающий из смысла гл. 32 УПК РФ общий, вроде бы как базовый порядок дознания — это далеко не стандартная, не типичная для уголовной юстиции форма работы правоохранительных органов, вовсе не исконно свойственная предварительному расследованию правовая данность. Ведь в публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно обращалось внимание, что бытующие на сегодняшний день подходы к ординарному дознанию возникли относительно недавно — в результате начатых в 1920-х годах и проводимых в течение всех последующих лет перманентных преобразований советского и постсоветского досудебного производства. Кроме того, указывалось, что ввиду целого ряда причин некогда существовавшее в Российской Империи классическое полицейское дознание со временем превратилось в полноценную уголовно-процессуальную деятельность, а некоторые присущие ему и, к слову, достаточно простые формы и методы выявления и раскрытия преступных деяний, сохранения следов произошедшего, установления и задержания подозреваемых и т.п. сильно усложнились, обросли множеством процессуальных гарантий и стали схожи с формами и методами работы органов предварительного следствия¹⁰. Иными словами, к моменту появления сокращенного дознания предусмотренное гл. 32 УПК РФ ординарное дознание являлось далеко не базовой, а сильно усложненной формой классической работы правоохранительных органов полицейского типа.

В итоге возник правотворческий парадокс! В Двадцать третьем законе была предпринята достаточно странная редуционная попытка упрощения ранее усложненного(!), т.е. долгожданного избавления дознания от ранее навьюченных на него процессуальных тяжестей — подобно освобождению гондолы теряющего высоту воздушного шара от заранее запасенных балластных мешков с песком. В этом и состояла основная, весьма грубая и непростительная ошибка «коллективного законодателя». Она была предопределена игнорированием общей парадигмы упрощений уголовно-процессуальной формы. Как говорилось выше, упрощать можно было лишь нечто исконно сложное, а не ставшее таковым в результате более ранних преобразований. Следовательно, вознамерившись подвергнуть редукации предварительно усложненные механизмы ординарного дознания, разработчики Двадцать третьего закона вполне ожидаемо смогли ограничиться лишь точечными мерами, выраженными во фрагментарном послаблении отдельных правовых требований,

¹⁰ См.: Россинский С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 62, 63.

наименее коррелированных с прочими запретами, дозволениями, предписаниями, — тех самых балластных мешков с песком. Тогда как в противном случае пришлось бы посягать на неприкасаемое и «переписывать» добрую половину Уголовно-процессуального кодекса РФ — перекраивать всю систему дознания и даже досудебного производства в целом, т.е. не сбрасывать мешки с песком, а облегчать конструкцию самой гондолы. Поэтому избавить сокращенное дознание от основной массы свойственных ординарному дознанию и возникших в советский период юридических гарантий, равно как и соответствующих процессуально-процедурных компонентов, конечно, не удалось. Напротив, потребовались дополнительные правовые рычаги, способствующие возможности реализации подобных гарантий, например никуда не девшихся прав подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, в условиях действия вводимых новшеств.

* * *

Итак, направленные на создание сокращенной формы дознания правотворческие замыслы неизбежно потерпели фиаско: с одной стороны, введенные новшества оказались бессмысленными, не приносящими никакой практической пользы, тогда как с другой — привели к дополнительным рискам и трудностям в работе наделенных дознавательскими полномочиями правоохранительных органов. Иначе говоря, справиться с поставленными задачами и внедрить максимально простой,

скоротечный и, что немаловажно, достаточно дешевый механизм расследования не предполагающих особой тяжести очевидных преступлений, наподобие дореволюционного (вариативно — раннесоветского) дознания, «коллективному законодателю» было не под силу. К слову, ввиду сказанного можно предположить, что такими же провальными станут и все последующие правотворческие инициативы, связанные с редукцией общей формы процессуальной деятельности органов дознания, в том числе разработанные Центральным аппаратом МВД России предложения о введении особого порядка досудебного производства, о которых говорилось выше. Любые попытки упрощения ранее усложненного потерпят неминуемое фиаско.

Реальные перспективы упрощения, ускорения и удешевления дознавательской практики полиции и других правоохранительных органов могут усматриваться лишь в одном — в общем изменении подходов к проведению дознания, в ослаблении предъявляемых к нему требований, в полной или частичной реставрации существовавшей ранее и достаточно сильно отличающейся от предварительного следствия модели дознавательской деятельности, направленной на оперативное выяснение обстоятельств случившегося, выдвижение в отношении лица полицейского обвинения и скорейшей передачи сформированных материалов в суд. В таком случае потребность в каких-либо сокращениях, упрощениях или ускорениях дознания отпадет сама собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8.
2. Воронов Д.А., Кальницкий В.В., Муравьев К.В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3.
3. Гаврилов Б.Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Известия Иркутской гос. экономической академии. 2014. № 6.
4. Гаврилов Б.Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Росс. следователь. 2011. № 16.
5. Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Росс. следователь. 2013. № 21.
6. Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5.
7. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Росс. судья. 2013. № 6.
8. Калачева А.В. Уголовно-процессуальная форма деятельности органов дознания // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. 2025. № 3(60).
9. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Росс. юстиция. 2013. № 12.
10. Мичурина О.В. Извечные вопросы дознания и попытки дать ответы на них // Росс. следователь. 2022. № 11. С. 9–10.
11. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел. М., 2008.

12. Россинский С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 58–65.
13. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6.
14. Ярыгина Л.А. Практика реализации норм главы 32.1 УПК РФ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3(38).

REFERENCES

1. Vasiliev O.L. A new stage of the reform of the pre-trial stages of the criminal process. A critical analysis of the novels of 2013. *Law*. 2013. No. 8. (In Russ.)
2. Voronov D.A., Kalnitskiy V.V., Muravyev K.V. The concept of investigation in an abridged form: achievements and issues of improvement. *Criminal Law*. 2013. No. 3. (In Russ.)
3. Gavrilo B. Ya. Investigation in abridged form: legislative myths and realities of law enforcement. *Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy*. 2014. No. 6. (In Russ.)
4. Gavrilo B. Ya. On measures for legislative improvement of pre-trial proceedings. *Russ. investigator*. 2011. No. 16. (In Russ.)
5. Girko S.I. The criminal investigation proceedings in an abridged form: forecasts and judgments. *Russ. investigator*. 2013. No. 21. (In Russ.)
6. Golovko L.V. The new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the context of comparative criminal procedure law. *State and Law*. 2002. No. 5. (In Russ.)
7. Dolya E.A. Features of evidence in the production of investigation in an abridged form. *Russ. judge*. 2013. No. 6. (In Russ.)
8. Kalacheva A.V. Criminal procedural form of activity of bodies of investigation. *Herald of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 3(60). (In Russ.)
9. Kovtun N.N. Investigation in abridged form: collisions and lacunae of regulatory regulation. *Russ. Justice*. 2013. No. 12. (In Russ.)
10. Michurina O.V. Eternal questions of investigation and attempts to give answers to them. *Russ. investigator*. 2022. No. 11. (In Russ.)
11. Michurina O.V. *The concept of investigation in the criminal process of the Russian Federation and the problems of its implementation in the internal affairs bodies*. М. 2008. (In Russ.)
12. Rossinskiy S.B. The Russian system of pre-trial proceedings as a synthesis of various types of criminal proceedings. *State and Law*. 2023. No. 4. Pp. 58–65. (In Russ.)
13. Smirnov A.V. Investigation in abridged form: once again about the spirit of laws. *Criminal Procedure*. 2013. No. 6. (In Russ.)
14. Yarygina L.A. The practice of implementing the norms of Chapter 32.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Herald of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 3(38). (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Россинский Сергей Борисович – д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
 E-mail: igpran@igpran.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

ABOUT THE AUTHORS

Rossinskiy, Sergey B. – Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
 E-mail: igpran@igpran.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Поступила в редакцию 17.01.2026
 Принята к публикации 24.01.2026

Received January 17, 2026
 Accepted January 24, 2026